

ОБУСТРАИВАЯ ДОМ НА НЕВЕ: ДОМАШНЕЕ ПРОСТРАНСТВО, ПАМЯТЬ И ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕН- ТИЧНОСТЬ В ЛЕНИНГРАДЕ/ САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ С 1957 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Резюме

Катриона Келли

Эта статья посвящена представлениям и повседневным практикам, связанным с домашней жизнью в «городе на Неве» (Ленинграде/Санкт-Петербурге). Она была подготовлена на основе исследования памяти и локальной идентичности в Санкт-Петербурге, в рамках которого я анализирую воздействие официального прошлого города в том виде, в каком оно конструируется культурными институтами: музеями, планировочными комитетами, Всероссийским обществом охраны памятников, – на повседневные представления обитателей. Наряду с официальными «местами памяти» я анализирую и те, которые не посещают туристы, но которые могут служить для местных жителей такими же символами Ленинграда или Санкт-Петербурга, как виды Васильевского острова или Летнего сада. Это окрестности дома, места работы, досуга и другие значимые локусы; виды транспорта (например, «ленинградский трамвай»). Таким образом, я объединяю темы, которые в исследованиях постсоциалистического города обычно рассматриваются по отдельности: отражение смены идеологии в официальных коммеморативных практиках (названиях улиц, памятниках) и история частной жизни в условиях политического и экономического перехода.

Цель статьи – исследовать противоречия между исторической и локальной спецификой и советским универсализмом в конкретном историческом контексте. На описаниях ленинградских квартир, как они представлены в печатных источниках, архивных документах и интервью с информантами, я показываю, к чему привели стандартизирующие реформы в советском городе с развитым чувством локальной идентичности и возрастающим значением досоветской истории.

В своем исследовании я опираюсь на работы антрополога М. Херцфельда, культурного географа Э. Соджа, а также классиков культурной теории М. де Серто (1974) и Г. Башляра (1967). На меня также оказали влияние недавние разработки

в области материальной антропологии, в частности, работа Д. Миллера (Miller 2008), посвященная значению вещей как носителей памяти и самосознания, их эмоциональному восприятию.

***

Вероятно, в любом обществе домашняя обстановка связана с воспоминаниями о прошлом. Архитектура так или иначе задействует представления о «традиционном», а среди предметов могут быть унаследованные вещи, картины или другие визуальные репрезентации прежних поколений семьи, так что дети растут с ощущением, что времена родителей отличались от их собственных¹.

В послесталинское время и в брежневские годы «застоя» возрастает интерес к далеким от социализма историческим темам и к региональным особенностям (реабилитация краеведения), и в то же время идет процесс интенсивной «советизации», который отражается и в устройстве жилища.

Декрет 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» предписывал руководствоваться в строительстве жилых домов единими строительными нормами и типовыми проектами; строить рекомендовалось из готовых стандартных модулей. За изменениями архитектурных идеалов и строительных стандартов стояли эстетические и прагматические соображения. После декрета ЦК и Совета Министров СССР 1957 года, который ставил цель покончить с нехваткой жилья в ближайшие 10–12 лет, в авральном темпе началось строительство миллионов новых домов. Принятая в 1955 году минималистская эстетика совпала с обращением к досталинской советской культуре («Культуре 1», следуя терминологии Паперного (1985)) и позволяла сократить расходы. Советские книги по домоводству и публицистика этого времени рекомендовали гражданам целенаправленно заниматься созданием домашнего уюта, подчеркивая доступность соответствующих товаров, хотя на практике, в условиях дефицитной экономики, это было нелегко.

Начиная с 1960-х годов растет интерес к дореволюционному Петербургу в литературе и искусстве; все больше зданий, построенных до 1917 года, переходят под охрану государства. За этими переменами стояли представители ленинградской интеллигенции, однако наши интервью показали, что интерес к городу, гордость за него свойственны не только людям с высшим образованием. Вероятно, можно говорить об общей «культуре советского городского жилища» в этот период, по меньшей мере – в Ленинграде (в нашей выборке, правда, преобладают информанты из интеллигенции). Необходимо сказать, что в этот период все больше ленинградцев перебираются в новые районы. Мне представляется, что противоречие между ростом интереса к прошлому и убыванием числа тех, кто, собственно, жил в районах, с этого времени получивших название «исторического центра», придавало обустройству жилища весьма специфические культурные особенности.

---

¹ В советское время, когда официальная культура была сосредоточена на настоящем и будущем, а воспоминания о целых пластах семейного прошлого таили политическую опасность, во многих семьях были «безопасные» способы хранить свою историю: семейные праздники, забавные истории о родственниках или домашних животных и т.д.

В Западной Европе выражение «петербургский стиль» отсылает к дворцовой роскоши и деятельности собирателей антиквариата. Но после 1917 года дворцы были отданы учреждениям, а большинство ленинградцев оказались жильцами коммунальных квартир. Роль «дома» в такой квартире играла комната, а единственным «общим» местом, где человек мог выразить свою индивидуальность, была отведенная ему зона в кухне, служившей центром общественной жизни квартиры. Пространство комнаты было организовано с помощью немногочисленных предметов мебели: стола, кровати, шкафа, выполнявшего роль ширмы, серванта (буфета), где за стеклом хранились ценные вещи. Индивидуальные вариации были возможны, прежде всего, на уровне этих выставленных на всеобщее обозрение вещиц – безделушек, книг, картин.

Квартиры, изначально предназначенные для зажиточных семей и после 1917 года превращенные в «коммуналки», в отсутствие надлежащего ухода быстро пришли в состояние «готического» упадка (см., например, Werth (1944)). Тем не менее, судя по дневникам 1920–1940-х годов, ленинградцы воспринимали их как вполне полноценное жилище. В 1960–1970-е годы, когда многие получили отдельное жилье в новых районах, произошло смещение символической роли коммунальных квартир: они стали восприниматься как социальная аномалия и все прочнее ассоциировались с маргиналами – приезжими, алкоголиками, богемой. В то же время само их запустение стало казаться аутентичным для «петербургской жизни», отсылая к каноническому образу этого города как места преступлений и упадка. «Коммуналка» стала ассоциироваться, с одной стороны, с аутентичной питерской жизнью, а с другой – с «антижилищем», а «инстинкт гнездования» переместился в новые отдельные квартиры. Далее я остановлюсь на ключевых локусах нового домашнего пространства, связанных с семейной и локальной памятью.

***

Стандартизация жилищного строительства сильно повлияла на облик Ленинграда. Новоселье считалось радостным событием, но скучное однообразие новых районов признавалось даже в официальных источниках. Перепланировка была запрещена, найти обои или сантехнику, чтобы поменять изначальную отделку квартир, тоже было нелегко, так что возможности придания жилищу индивидуальных черт были ограничены. Вспоминая свои квартиры этого времени, многие говорят: «Все было как у всех».

В условиях высокой мобильности населения, сложностей с транспортировкой мебели в советских городских семьях редко хранились предметы из прошлого или специфически «ленинградские» вещи. Многие в Ленинграде погибли во время Блокады. Кроме того, старинная мебель плохо сочеталась с новыми квартирами как по размерам, так и по эстетике, поэтому она попадала на свалки и в комиссионные магазины, где ее находили коллекционеры. Немногочисленные сохранившиеся семейные реликвии – это обычно вещи небольших размеров: часы, украшения, серебряные ложки, – причем обращались с ними часто без особого пиетета. Хранилищем семейной истории служил скорее фотоальбом, чем старинные вещи.

Как же обстоит дело с «наследием» в том коллективном смысле, который создает локальную специфику Ленинграда? Если в «коммуналках» могли сохраняться черты дореволюционной архитектуры, то новостройки были лишены городской специфики. Однако большинство обитателей новых квартир и не пытались заменить эти остатки петербургского прошлого чем-то иным, связанным с локальной историей. В качестве предмета «местной старины» мог служить разве что знаменитый фарфор Ломоносовского завода, выставленный в серванте вместе с сувенирами, привезенными из поездок по стране. В целом обстановка ленинградских домов обычно не имела особых связей с городом и соответствовала скорее общесоветским вкусам.

В домах образованных ленинградцев хранилищем локальной памяти служила домашняя библиотека, в которой обычно была подборка книг о Санкт-Петербурге и Ленинграде и классическая литература о городе, а также картины с видами Петербурга. Таким образом, можно сказать, что *материальная* связь с прошлым, характерная для коммунальной квартиры, в новых районах Ленинграда компенсировалась *воображаемой* связью с прошлым.

Специфический характер носила и организация пространства в отдельных квартирах: многофункциональность комнат стала нормой, мебель располагалась так же, как и прежде в «коммуналке», а сервант в гостиной («общей комнате») выполнял ту же роль «семейного святилища», предназначенного для демонстрации перед гостями. Зато совершенно изменились функциональные зоны. Кухня из публичного места, где каждая семья отстаивает свой ненадежный островок приватности, стала почти полностью частным местом, лишь иногда выполняющим публичную функцию. Теперь здесь ели и принимали гостей (кроме больших праздников), причем общение всегда сопровождалось угощением.

В обычном словоупотреблении «кухонный разговор» ассоциировался с политической критикой, но на самом деле на кухне беседовали о совершенно разных вещах. Чем более праздничной была обстановка, тем с большей вероятностью разговор заходил об угощении на столе: гости хвалили хозяйку, спрашивали рецепт особенно интересного блюда или настойки.

Память в пространстве кухни играла центральную роль. Приготовление пищи, особенно в присутствии гостей или по высокоритуализованным семейным праздникам, было еще и воспроизведением «фирменных блюд» хозяйки и вызывало воспоминания о других торжественных случаях, когда эти блюда подавались. Кухня была «пространством памяти» не только в связи с этими практиками; здесь, как и в серванте гостиной, выставлялись предметы-носители памяти: керамика, самовары, старые кастрюли, вазы. Кухня была, несомненно, «самым советским» пространством в ленинградской квартире, и в то же время центральным локусом дома – центром уюта, общения, семейной памяти.

Таким образом, несмотря на то, что сегодня советская квартира порой воспринимается как какая-то унылая коробочка (см., например, Гудков (2004)), продукт массового производства, она давала значительный простор для выражения индивидуальности.

***

В постсоветский период в Санкт-Петербурге резко возрос интерес к предметам старины, но не менее сильным оказалось и желание разорвать с прошлым, выразив это в домашнем интерьере: советской мебели пришла очередь отправляться на свалку. Приватизировав жилье и почувствовав себя хозяевами своих квартир, бывшие наниматели захотели их улучшить и спешили купить новую мебель и сделать новомодный «евроремонт», который предполагал не только косметический ремонт, но и более масштабные структурные изменения.

Среди преуспевающих слоев вскоре вошло в моду отказываться от использования кухни для общения. Например, кухню могли превратить в столовую, а в коридоре выделить кухонную зону. Но общее ощущение кухни как семейного очага сохранялось, и даже идеальные образы из глянцевого журналов иногда содержали «ностальгические» элементы.

Единый для всех образ «петербургской кухни» перестал существовать. Общим являлся разве что сам принцип эклектики, когда «народная» керамика и советская посуда парадоксально сочетались с современными пластиковыми поверхностями и бытовой техникой. Элементы «петербургского стиля» были все так же редки, старинный подсвечник мог выглядеть уместно в петербургской квартире, но не на кухне. Характерным ходом являлась *дефункционализация* бытовых предметов: например, бидон, прежде купленный для переноса разливного молока, утратив свою прежнюю функцию, перешел в ряд «обозначающих уют», а заимствованная у Запада мода на яркие магниты для холодильника придала жизненно важному хранилищу продуктов вид украшения. Тем временем базовое представление об уюте осталось прежним, советским, и связывалось с нагромождением безделушек: керамических тарелок, глиняных кружек, календарей с «народными» сюжетами. Парадоксально, но, несмотря на то, что в постсоветскую эпоху выросли возможности покупки новых вещей и появились новые представления о вкусе, сохранилось базовое ощущение того, как нужно обустраивать пространство, в частности, ощущение, что пространство должно быть *заполнено*.

Отношения с прошлым в целом по-прежнему выражались скорее в «ретропредметах» (таких как «народные» картинки и поделки), чем в вещах с какой-либо локальной привязкой. Ключевая же идея заключалась в том, что вещи должны поддерживать невидимые связи с дорогими хозяину людьми и событиями. Центральную роль в обустройстве дома играли сувениры – мелочи, подаренные на праздники и связанные с приятными личными воспоминаниями. Эти безделушки и картинки пользовались таким успехом именно потому, что противоречили строгим канонам вкуса – еще в советские времена литература предостерегала читателей от покупки таких вещей. Причудливые и неказистые, они говорили о неформальных близких отношениях, превращали унылое стандартизованное пространство в жилое, наполняли его знаками присутствия личности. Они были отражением эмоциональной и коммуникативной сети, распространявшейся за пределы квартиры. Объекты памяти в интерьере выражали не «вертикальные» отношения с городом (углубляющиеся вниз, в прошлое), а горизонтальные связи с другими людьми, живущими в разных частях города, но в едином темпоральном мире.

Так, даже в постсоветский период исторический Петербург в большинстве квартир присутствовал маргинально: ощущение широкого городского мира передавалось скорее объектами, символизирующими узы приязни, сеть горизонтальных отношений, растянутую над внешним пространством. Все это дополняет интерес к старому Петербургу, проявившийся среди представителей местной интеллигенции в конце 1960-х годов, и, возможно, позволяет его объяснить. Те, кого переселили из «исторического центра» в отдаленные районы, по умолчанию не имеющие истории, не превращали свои жилища в музеи. Вместо этого они могли погрузиться в официальную музейную работу или местную историю. Таким образом они предъявляли свое воображаемое право на городской центр и прошлое, пускай даже их повседневная жизнь в большинстве измерений была явно советской и протекала в новых районах на периферии города.

Резюме оригинальной статьи: Александра Касаткина

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гудков, Лев. 2004. *Негативная идентичность*. М.: Новое литературное обозрение [Gudkov, Lev. 2004. *Negativnaia identichnost'*. М.: Novoe literaturnoe obozrenie].
- Паперный, Владимир. 1985. *Культура «два»*. Анн Арбор: Ардис [Papernyi, Vladimir. 1985. *Kul'tura «dva»*. Ann Arbor: Ardis].
- Bachelard, Gaston. 1967. *La poétique de l'espace*. Paris: Presses universitaires de France.
- Certeau, Michel de. 1974. *Arts de faire*. Paris. English translation by Steven Rendall as *The Practice of Everyday Life*. Berkeley, CA: University of California Press, 1984.
- Herzfeld, Michael. 1991. *A Place in History: Social and Monumental Time in a Cretan Town*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Miller, Daniel. 2008. *The Comfort of Things*. Oxford: Polity Press.
- Werth, Alexander. 1944. *Leningrad*. London: Hamish Hamilton.